

УДК 070
ББК 76.1
П 637

П 637

Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. -
Ереван, Кавказский институт СМИ, 2005. - 192 с.

Концепция и предисловие В. Четеряна
Редактор Н. Искандарян
Дизайн обложки: студия Matit www.matit.am
Макет: студия “Коллаж”

Post Soviet Media: from Propaganda to Journalism. -
Yerevan, CMI, 2005. - 192 p.

Concept and foreword by V Cheterian
Editor N.Iskandaryan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout by Collage Ltd

ББК 76.1

ISBN 99941-2-014-x

© КИСМИ, 2005
© 2005 by Caucasus Media Institute

.....
**СВОБОДНЫЕ, НО НЕ ЛИБЕРАЛЬНЫЕ: СРЕДСТВА МАССОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ И ПАРТИКУЛЯРИСТСКИЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

"For the past two centuries, it was law that provided the source of authority for democracy.
Today, law seems to be replaced by opinion as the source of authority,
and the media serve as the arbiters of public opinion"

*Boutros Boutros Ghali, Opinion-the New Authority, in:
Media & Democracy, ed. by E.E.Dennis,
R.W.Snyder, Transaction Publishers*

В данной статье в основном речь будет вестись о средствах массовой коммуникации (СМК) Грузии, а не о средствах массовой информации (СМИ); дело в том, что предметом анализа будут не только газеты, телеканалы и т.д., но и их содержание, тип коммуникации, который они осуществляют, дискурс, который они поддерживают. Как, какими методами и терминами можно охарактеризовать СМК Грузии? Наиболее испытанный метод - это сравнение с установившимися моделями. Поэтому правомерен вопрос: в чем разница между СМК традиционных западных демократий и СМК Грузии? Описание системы СМК такой страны, как Грузия, часто трудно сформулировать так, чтобы уловить различия, тем более что критика и тех и других систем ведется практически с одних и тех же позиций. И там и там можно проследить сходные признаки, вызывающие недовольство и беспокойство тех, кто оценивает СМК с точки зрения демократии и либерализма. И все же разница есть. Разница эта не вполне очевидна, так как разрозненные, отдельно взятые признаки могут быть весьма схожи. Как частные явления они встречаются всюду и сосуществуют с противоположными им примерами. Выделить их в систему и выявить их относительное соотношение можно, если соотнести их с определенными «идеальными типами» коммуникации в веберовском смысле. Эти идеальные типы всегда сосуществуют; вся разница между различными системами заключается в том, какой из идеальных типов преобладает над другими, что встречается чаще, что определяет основные характеристики. Именно опираясь на эти типы, можно говорить о том, что СМК Грузии (и, возможно, других постсоветских стран) сложились в определенную систему, отличающуюся от тех систем, которые существуют на Западе, и схожую с теми, которые существуют в Восточной и Юж-

ной Европе и в Латинской Америке. Истоки этой системы следует искать в том социальном контексте, который исторически и экономически сложился в этих странах.

Первый раздел данной статьи будет посвящен сравнительному анализу СМИ периферийных стран западной цивилизации, в которых историческое формирование публичной сферы имело особый характер, иной, нежели в странах более раннего капиталистического и демократического развития. Во втором разделе будут охарактеризованы СМИ Грузии. В третьем разделе будет сделана попытка теоретического анализа и осмысления структурных компонентов коммуникации, типичных для того, что мы здесь называем партикулярным социальным контекстом. Последний раздел будет посвящен практическим выводам стратегического характера.

СМИ и общество: сравнительный анализ

Сравнивая медиасистемы шести стран Южной Европы и Латинской Америки, профессор Калифорнийского университета Дан Халлин отмечает ряд характеристик, которые отличают эти системы от тех структур, что сложились в странах Запада¹. Эти характеристики следующие: низкий тираж газет; традиция пропагандистской журналистики; политическая инструментализация частных телеканалов; политизация общественного вещания и его регулирования; ограниченная автономность журналистики как профессии. Набор этих явлений настолько типичен и взаимосвязан, что с очевидностью заставляет задуматься о существовании причинно-следственных связей и единого объяснительного параметра, формирующего характер медиасистемы в целом, а не только ее отдельных компонентов.

Медиасистемы, по Халлину, формируются более широким контекстом политической истории, структуры и культуры. Медиасистемы, сформировавшиеся в странах Южной Европы - Греции, Португалии, Италии и Испании - отличаются от систем остальной Европы и Северной Америки в первую очередь по причине позднего развития в этих странах индустриального капитализма и политической демократии. Как следствие исторического развития, в политике этих стран сформировалось то, что известно под названием поляризованного плюрализма - радикализация политики с преобладанием центробежных тенденций. СМИ региона исторически были непосред-

¹ Hallin/Papathanassopoulos (2002).

ственно вовлечены в острые политические конфликты и активно использовались для идеологической пропаганды и массовой мобилизации. Все это происходило на фоне относительной слабости коммерческих СМК, несформированности экономического рынка. «СМИ в Южной Европе развились скорее как институт политической и литературной сферы, чем как институт рынка»². В отличие от северных стран, коммерческая буржуазия играла в их развитии значительно меньшую роль. Публичная сфера, сформировавшаяся в этих странах практически одновременно с северными странами, испытывала влияние аристократии и интеллигенции, а не буржуазии (игравшей ведущую роль в странах раннего капиталистического развития в описании Хабермаса).

Очевидно, что восток Европы характеризовался теми же структурными свойствами, что и юг. Достаточно вспомнить Россию девятнадцатого столетия, с ее аристократией и разночинной интеллигенцией, остро воспринимавшими страну и народ как отсталые и периферийные по отношению к центрам европейской цивилизации; ее публицистику, направленную на просветительство и идеологическое лидерство. То же самое происходило в тот же период и в Грузии. Речь идет не только о прессе и журналистике, но в принципе о гораздо более широком понятии - гражданском обществе. Тому, что в капиталистической Европе формировалось как «гражданское общество», как открытая сфера гражданской активности вне контроля государства, в периферийных индустриальном капитализме странах соответствовало то, что получило название «общественности». Общественность - это иное структурное состояние общества, нежели гражданское общество. Общественность состоит в иных отношениях с государством. Она независима только в своих помыслах, но не в делах. По определению Волкова, «общественность» во второй половине девятнадцатого века стала «прочно ассоциироваться с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой»³. В отличие от гражданского общества, эта общественность не имела собственных экономических интересов, не служила, в отличие от того, что писали Адам Смит и Фергюсон, формированию контрактных рыночных отношений. Типичным признаком общественности, наоборот, было подвижничество, идеологическое лидерство и служение прогрессу общества: «Я говорю с

² Цитируется по рукописи монографии Дана Халлина.

³ Волков (1997).

Богом для того, чтобы вести вперед народ» - писал «от имени поэта» самый значительный публицист и общественный деятель Грузии девятнадцатого века Илья Чавчавадзе. Идеологизированность общественности, проистекающая из ее интеллигентских основ, публичная сфера как сфера идеологического лидерства соответствовали политическому поляризованному плюрализму, о котором упоминалось ранее.

Таким образом, характер медиасистемы - это в то же время характер гражданского общества, обусловленный тем, кто участвует в его формировании - экономически независимый буржуа или интеллектуально независимая интеллигенция. Гражданское общество стран раннего капиталистического и демократического развития сочетается с одним характером СМК, а общественность стран, периферийных по отношению к центрам цивилизации - с другим. Однако здесь возникает проблема «переобусловленности». Причинно-следственные связи - это всегда наиболее сложная для анализа проблема, причем если причин обнаруживается больше, чем одна, возникает мысль о том, что эти различные причины - одно и то же. Так, если определенные типы экономических отношений, политических структур, гражданского общества и СМК взаимосвязаны, не впадаем ли мы в исторический детерминизм, наподобие марксизма, утверждая тем самым, что существует единый базис какого-либо типа, из которого проистекают соответствующие надстройки? Полностью, конечно эту проблему мы игнорировать не можем; так, если трактовать все через призму экономики, анализ точно приобретает марксистскую экономическую детерминированность. Однако частично этот вопрос можно обойти, если апеллировать к более «мягким» положениям Рональда Инглехарта. Как утверждает Инглехарт, опираясь на огромный массив данных Всемирного опроса о ценностях (World Value Survey), экономические, политические и культурные изменения взаимосвязаны; они образуют слаженные модели⁴. Речь здесь не идет об определении причинно-следственной связи, а о том, что изменение одной сферы с необходимостью взаимосвязано с изменениями в других сферах. Именно в таком смысле и будет здесь рассматриваться связь СМК с тем контекстом, в котором они существуют.

Тем не менее, значение имеют также непосредственные механизмы трансмиссии между различными сферами. Так, несмотря на

⁴ Inglehart (1997).

то, что корни особенностей южноевропейских СМК Халлин проследживает вплоть до таких истоков, как вторжение Наполеона в эти страны, привнесшего в них модели французской журналистики, и отслеживает параллели между политическими и медийными структурами, эту связь он видит, судя по всему, не непосредственной, а опосредованной экономическими отношениями. В частности, сходство современных южноевропейских и латиноамериканских медиасистем Халлин в первую очередь объясняет характером взаимоотношений между политическими и экономическими структурами.

Объясняя сходные черты, Халлин ссылается на социальный контекст, общий для данных стран - это структура политического клиентелизма. Клиентелизм оказывает влияние на медиасистемы различными путями, среди которых следует отметить влияние на новостные СМИ того факта, что партийно-политические и экономические элиты в данных странах сильно переплетены; слабости и избирательности правовой системы; поздней модернизации общества; относительной слабости горизонтальной журналистской солидарности по сравнению с вертикальными механизмами влияния и др.

Очевидно, можно рассуждать о том, что клиентелизм и коррупция сами по себе могут быть обусловлены тем же свойством публичной сферы, которое мы отметили выше - преобладанием институтов общественности, а не гражданского общества. В результате подобного развития экономические отношения остаются в тени, вне публичной сферы, оставляя вопрос формирования открытых, контрактных, универсалистских этических норм экономических отношений без должного обеспечения публичностью. В результате формируется непубличная, потенциально неконкурентная клиентелистская экономика. В принципе, здесь речь идет о специфике политико-экономических отношений как главном объяснительном факторе. Т.е. экономическая зависимость СМК не просто лишает их независимости, как это предполагается критическими медиа-теориями, но и инструментализирует их политически в пользу совершенно конкретных непубличных интересов.

Однако другая, весьма важная сфера при таком подходе остается вне нашего внимания. Это структура не столько экономического, сколько дискурсного партикуляризма. Проще говоря, это подверженность публичной сферы доминированию одной ведущей идеологии развития, политизация всех сфер общественной жизни. Характер «образа мышления» журналистов и общественности может иметь не менее непосредственное влияние на характер массовой

коммуникации, чем экономические отношения. Журналисты могут заниматься пропагандой не только под влиянием меркантильных интересов, но и «из любви к искусству». Более того, журналисты могут вообще не уметь писать иначе, как прибегая к пропаганде и политическим идеологиям. Общество, в свою очередь, может быть невосприимчиво к лишней оценочной информации, она может быть ему неинтересна. Традиция идеологической журналистики также может усиливаться, а не ослабевать, под влиянием современного технологического развития, а именно преобладания в структуре коммуникации телевидения над прессой. Это развитие оказывает влияние на медиасистемы всего мира, в том числе Запада, и, возможно, это влияние направлено вовсе не на приближение к традиционным западным аналогам, а на усиление тех черт, которые описаны в данной статье.

Таким образом, даже признавая взаимосвязанность всех общественных систем, в том числе и медиаструктуры, имеет смысл различать механизмы непосредственной трансмиссии влияния тех или иных структур на СМИ и исследовать преобладание влияния на них того или иного фактора. Экономический клиентелизм и идеологический партикуляризм могут быть взаимосвязаны, и тем не менее в отношении СМИ это различные факторы; что касается степени зависимости структуры СМИ от того или от другого, этот вопрос мы оставляем открытым, отмечая только то, что следует учитывать как одно, так и другое влияние, не ограничиваясь только одним из них, хотя данный в этой статье анализ и посвящен только лишь идеологическому партикуляризму.

СМК Грузии

Первое, что следует, видимо, отметить, прежде чем перейти к анализу структуры грузинской медиасистемы, это то, что уже настало время говорить о сложившейся системе с достаточно стабильными характеристиками. Т.е. мы уже имеем дело не с трудностями переходного периода, а с определенным, сложившимся типом массовых коммуникаций. Дальнейшее развитие системы, таким образом, будет носить эволюционный, а не революционный характер. Это важное положение, из которого, в случае его правильности, логически вытекает необходимость пересмотра существующей стратегии развития СМИ. Обоснование этого положения в данной статье базируется на сравнительном анализе.

Система СМК Грузии вкратце существует в следующей среде:

а. СМИ Грузии достигли высокой степени свободы. Практически не существует информации, комментария или взглядов, которые могли бы быть запрещены или репрессированы центральными властями (в регионах в этом плане ситуация тяжелее). Можно сказать, что существует свободное и независимое от власти публичное пространство, включающее как прессу, так и телевидение.

б. Как журналисты, так и наименования изданий практически обновились по составу и постоянно находятся в процессе обновления. Старое поколение журналистов ушло, были созданы новые основные издания и каналы.

в. Основные препятствия для развития СМИ на сегодняшний день создают не власти, а экономика. Рынок весьма узкий и бедный, практически все издания и вещательные компании убыточны, журналисты зарабатывают мало и стараются найти более прибыльную работу.

Напомним, что параметры, которые использует для сравнительного анализа Халлин, следующие: низкий тираж прессы; пропагандистский характер журналистики; политизированность коммерческого вещания; подконтрольность общественного вещания; несформированность и незащищенность журналистского сообщества. Все эти признаки в полной мере относятся к Грузии.

Тиражи газет катастрофически сократились со времен перестройки, когда пресса пережила кратковременный, но революционный подъем. Сегодня никакие события, включая революцию, не способны вызвать новый резкий скачок тиражей прессы. Самые радикальные финансовые вложения, направленные на создание новых «хороших» газет, укомплектованных ведущими журналистами, не порождают тиражи выше нескольких тысяч экземпляров. Относительно популярны еженедельники, содержащие много развлекательной информации. Традиция подписки на газеты рухнула с упадком экономики и все еще практически не восстановилась; распространение газет в основном через газетные киоски в принципе отменяет роль газеты как утренней порции новостей.

Содержание газет весьма далеко от стандартов беспристрастной журналистики. Новое поколение журналистов, так же как и предыдущее, не видит большой разницы между пропагандой и информацией, не умеет разделять факты и мнение, видит себя скорее в роли просветителей, чем информаторов. Роль источника оперативной информации для общества взяло на себя телевидение, газеты же, судя

по характеру публикаций, не в силах конкурировать с телевидением и «сдаются без боя»; они считают, что их читатель уже в основном информирован, что нет надобности повторять то, что уже было сказано по телевизору. Газеты, как ежедневные, так и еженедельные, с упоением комментируют события, о которых общество имеет весьма приблизительную и неполную информацию. Не сильно утруждая себя информированием читателей о событиях предыдущего дня, они больше внимания уделяют анализу и комментариям уже как бы известных читателям событий.

Достигнутая свобода выражения не сочетается с выработанной журналистской этикой, напротив, усилия по созданию действенных ассоциаций журналистов, обеспечения профессиональной автономной среды и соблюдению норм этики ни к чему не приводят.

Как пресса освещает политику: два конкретных примера

Пренебрежение фактами во имя мнений особенно заметно при освещении прессой правовых вопросов. Именно эта информация в первую очередь не доходит до общества, или доходит в весьма искаженном виде.

В 1999 году Парламент Грузии принял первые в истории независимой Грузии поправки к Конституции. В результате этих поправок возможный кандидат на пост президента Игорь Гиоргадзе потерял возможность баллотироваться. Был также внесен ряд изменений в закон о выборах. Был введен 7-процентный барьер для партийных списков, был изменен порядок нумерации партий и блоков в избирательном бюллетене, сделан ряд других мелких поправок. Из этих поправок только 7-процентный барьер обсуждался заранее, остальные практически не удостоились интереса прессы. Особо следует отметить очевидно манипулятивное правило, по которому парламентские партии получили право возглавлять список в избирательном бюллетене. Несмотря на то, что это правило было очевидно несправедливо (избиратель имеет тенденцию чаще выбирать из первых трех номеров, независимо от того, кому они принадлежат), оно прошло как бы незамеченным. Как осветила эти решения парламента пресса?

Из десяти основных газет, вышедших в Тбилиси в течение двух последующих за заседанием парламента дней, изменение порядка нумерации партий в бюллетенях было упомянуто только в одной. Повышение барьера до 7 процентов было упомянуто в восьми, из них в семи - как предмет комментирования и анализа. Две газеты упомянули конституционные поправки, а из вновь назначенных членов избирательной комиссии только председатель комиссии удостоился упоминания, и то в одной газете. Интересно, что «официальная» пресса, субсидируемая государством, не написала ровным счетом ничего, и только спустя долгое время опубликовала полный текст постановлений - после их подписания Президентом. Зато все газеты в эти дни пестрели сообщениями об эмоциональной перепалке, имевшей место в парламенте, и уделяли традиционно много внимания другим политическим сплетням.

Аналогичное положение можно было наблюдать перед местными выборами 2002 года. Предшествующие этим выборам поправки к закону о местном самоуправлении и избирательному кодексу либо не были отражены в прессе, либо были отражены с ошибками. Разобраться в положении дел, опираясь только на газетную информацию, было практически невозможно. Так, например, в одной из статей о голосовании по поправкам не было упомянуто, что поправки приняты только в первом чтении. В результате часть населения решила, что выборы будут проходить по новым правилам, что не соответствовало действительности, т.к. во втором и третьем чтении поправки уже не были проголосованы.

Смешение фактов и комментариев в прессе достигло таких масштабов, что практически невозможно встретить статью (исключая короткие сообщения информационных агентств), в которой информация была бы подана вне оценочного фона. Особенно часто оценки даются в заголовках и в аннотациях. Подача оценки до того, как читатель ознакомился с самими фактами, еще больше усиливает эффект политизации прессы.

Значительно больше, чем пресса, на политические настроения населения влияет телевидение, которое также полностью политизировано. Долгие годы на телевизионном ландшафте доминировала телекомпания «Рустави 2», находившаяся в оппозиции существую-

щим властям. Не признавая наличия у себя политической позиции, этот, да и в значительной степени многие другие независимые каналы, на деле по существу сформировались в новую институциональную форму вещания - политическое вещание. Политическое вещание - это вещание, которое имеет своей основной целью политическое воздействие на аудиторию. Оно может сочетать эту цель с целями коммерческого вещания - получением прибыли, а также с целями общественного вещания - информированием, развлечением и просвещением населения, однако политические мотивы являются определяющими для функционирования канала и для получения им финансирования. Тем более, что телевидение в условиях узкого и бедного рынка Грузии практически не может себя окупать без субсидирования.

Доминантная идеология, которая сформировала медийный ландшафт Грузии, была предельно проста. Ее идея состояла в том, что президент Шеварднадзе плох и повинен во всех грехах; когда он уйдет, все исправится и проблемы решатся. Соответственно, повестка дня телевидения оказалась полностью сформирована логикой борьбы за власть. Все остальные темы и проблемы жизни общества отступили на второй план, и их обсуждение вне идеологического контекста практически не велось. Особенно резко это выявилося в последний год перед парламентскими выборами ноября 2003 года. Практически единственной и безальтернативной темой повестки дня стали предстоящие выборы. Аудитория СМИ превратилась в объект пропаганды, в общность избирателей, а не общность граждан, автономных от влияния политиков. Институты гражданского общества - как СМИ, так и неправительственные организации - встали на сторону политики, образовав скорее политическое, а не гражданское публичное пространство, подчиненное идеологии «кмаризма» (от слова «кмара» - достаточно - лозунг, заимствованный из сербского опыта, так же как и многие символы и технологии, ставшие популярными в этот период). То, что не вписывалось в данную идеологию, практически не получало доступа к публичному пространству, либо клеймилось как происки «агентов правительства» (кстати, наличие «агентов» - типичный признак существования идеологии). Государственное вещание было полностью деморализовано своей зависимостью от власти, неспособной в то же время предложить какую-либо внятную альтернативу.

Если до парламентских выборов 2003 года, столь резко переросших в революцию, телеканалы могли отрицать свою политизирован-

ность и утверждать, что они пытаются быть объективными, революция выявила и поляризовала их политические позиции. «Рустави 2» открыто выступил на стороне революции. Хотя этим каналом публично признано было только то, что «мы поддержали народ, вышедший на улицы», а не «мы вывели народ на улицы» (что было бы, вероятно, ближе к истине), придерживаться прежней претензии на объективность стало практически невозможно. «Рустави 2» оказался прочно ассоциирован с победившими политическими силами, в то время как другие неправительственные каналы, освободившись от исчерпавшей себя идеологии, обнаружили более критическое отношение к положению вещей, вплоть до оппозиционности новой власти. Сложилось, возможно, ненадолго, некоторое многообразие мнений и подходов, не сосуществующих на одном информационном канале, а сегментированных по разным источникам информации.

Факты и мнения: свобода без либерализма

Сегментированный характер телевизионного ландшафта имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, он свидетельствует о том, что существует определенная свобода слова. С другой стороны, он делит аудиторию по принципу политических пристрастий (причем значительная часть населения вовсе не желает смотреть телевизор из-за крайней политизированности передач). Вернемся к изначально поставленному вопросу - в чем отличие от классических западных СМК?

Рассмотрим СМК как коммуникационную среду, в которой формируется общественно значимая информация и решения. Каким образом это знание формируется на практике?

Теоретически существует три способа формирования релевантной политике информации, которые мы обозначим как *либеральный*, *демократический* и *республиканский*.

Способ, который мы обозначим как *либеральный*, связан с фактическим знанием и аналитическим мышлением. Он устанавливает факты и объективное, эмпирически верифицируемое знание. Он использует свидетельства, логическое мышление, научные выкладки и другие методы, присущие как судебному разбирательству, так и научному спору. В силу верифицируемости и доказуемости полученного этим способом знания оно может быть произведено единичным индивидуальным субъектом, оно не требует коллективного обсуждения, оно также может быть опровергнуто одним человеком, выступаящим против всех остальных. Так, если все общество уверено в

виновности обвиняемого, либеральный суд все-таки предоставляет ему возможность привести свидетельства в свою защиту и оправдаться, в то время как суд линча счел бы общественное мнение достаточным основанием для расправы. Это такой способ установления истины, при котором каждый является окончательным источником безусловного общественного знания, и в этом состоит его индивидуалистичность и либерализм.

Демократический способ, напротив, связан с принятием решений по таким вопросам, по которым либеральное знание невозможно. Это, например, вопросы общественного развития - прогнозы и перспективы, вероятные и желанные сценарии будущего, по поводу которых могут существовать только мнения, но никак не объективные знания. Будущее можно только предполагать, с определенной степенью достоверности. Политические мнения могут иметь различный характер в плане охвата и широты видения - они могут иметь частичный характер или форму идеологии, в любом случае политические мнения не могут быть установлены и доказаны эмпирически, они направлены на то, чтобы приобретать единомышленников, заранее предполагая, что могут быть и противоположные мнения. Таким образом, вес политических мнений в обществе определяется количеством их сторонников. Решения на основе политического мнения принимаются демократическим путем - большинством голосов, приобретая, таким образом, в обществе статус факта.

Наконец, существуют вопросы, которые не могут быть разрешены ни эмпирически, ни большинством голосов. Это вопросы общественной морали и этики. Будучи нормативными, они не подлежат доказательному обоснованию. Будучи нерелятивистскими, а процедурными, т.е. обязательными для выполнения, они не могут быть предметом политического мнения. В любом обществе, в любые моменты истории существует обмен мнениями (явный или неявный) о том, что должно являться социально приемлемым способом поведения. Исторически это обсуждение всегда предполагало наличие общественной элиты, лидирующей в данном вопросе - религиозной, затем аристократической, и, наконец, республиканской. Элита в данном обсуждении - это признанно лучшее меньшинство, которое лучше знает нормы поведения, обязательные для большинства, и может служить образцом. Политически релевантный эквивалент подобных элит - это *республиканский* тип правителя, выделяющийся, по Макиавелли, своими выдающимися заслугами перед обществом и способностью принести ему благо. Республиканский способ уста-

новления общественных норм, в котором лидирует меньшинство - наименее обсуждаемый среди возможных.

Все эти три способа коммуникации, принятия решения (формирования информации) имеют исключительное значение для функционирования либеральной конституционной демократии. Несмотря на свою очевидную противоречивость - каждый из способов входит в противоречие с остальными по своей структуре и этике коммуникации, по способу легитимации окончательного результата - они структурно дифференцированы в современных либеральных демократиях настолько, что практически не происходит подмены одним другим. Как обстоит дело с ними в странах типа Грузии?

Либеральная традиция, связанная с ценностями просветительства, требует четкого различения знания и мнения, либерального индивидуального знания и демократического мнения большинства. По Роулзу, истина, как и справедливость, не подлежит политическому компромиссу. Именно на различении мнения и истины строится современное правовое государство и демократическая состязательность равных политических противников. Советское государство, будучи идеологическим, имело другой подход - сфера будущего развития, грядущий коммунизм был провозглашен сферой знания, проистекающего из теории марксизма-ленинизма. Таким образом, политические мнения отменялись, а также отпадала необходимость строить дискурс о будущем на основе большинства голосов. Политическое развитие решалось и провозглашалось, что касается журналистов, хорошее качество статьи определялось по степени соответствия единому коммунистическому знанию. Происходило то, что можно описать как идеологизацию публичного пространства - провозглашение единичного мнения абсолютной истиной.

Партикуляризация СМИ, о которой мы говорили выше, может быть описана как смешение знания и мнения либо как идеологизация публичного пространства. Структурная недифференцированность трех вышеуказанных подходов к коммуникации приводит к появлению всеобъемлющих идеологий, для которых факты, мнения и нормативные оценки неотъемлемы друг от друга. Этот подход к коммуникации создает либо тоталитарное массовое общество, в случае, когда свобода слова отсутствует, либо сегментированное состояние поляризованного плюрализма, когда общество разбивается на политические группы, неспособные к конструктивной коммуникации между собой - они могут лишь побеждать друг друга, но не соглашаться о чем-либо. Подмена фактов оценками исключает возмож-

ность политических оппонентов жить в едином информационном и правовом пространстве, сохраняя при этом за собой право на различные мнения. Слабость либеральной, основанной на фактах и нормах коммуникации, отсутствие свободной от политической оценки возможности установления истины подрывает rule of law - верховенство закона, основу индивидуальных политических свобод - и это происходит, несмотря на формальное наличие свободы слова. При коммуникации, основанной на единстве мнений и на привлечении как можно большего количества единомышленников, всегда существует опасность подавления мнения меньшинства, формирования фактически тоталитарного состояния общества.

В повседневном языке такие термины, как партикуляризация или идеологизация коммуникации, не употребляются - как правило, говорят о ее политизации. Из вышеуказанных трех способов формирования общественно значимого знания по существу только один - демократический - обычно называется политическим в обиходном употреблении этого слова, хотя все три по существу производят политически релевантное знание. В демократическом, но недостаточном либеральном обществе СМИ функционируют как распространители и пропагандисты мнения, которое должно привлечь максимум сторонников, не предоставляя обществу фактические знания, на основе которых могли бы формироваться различные мнения. Консолидация общества происходит не на основе принятия доказанных фактов, а на основе разделенных мнений. Общество формируется как массовое, а не как либеральное. Правление закона, являющееся формой либерального дискурса, далеко уступает правлению общественного мнения, представляющего собой демократический дискурс.

Подобное состояние общества описано, хоть и в других, институциональных терминах, для стран Латинской Америки. Гиллермо О'Доннелл, описывая нелиберальные демократии Латинской Америки, указывает на то, что сильная демократическая традиция в этих странах сочетается со слабостью либерального и республиканского компонентов⁵. Он также вводит для этих стран понятие делегативной демократии - режима, при котором демократическое избрание власти не является формой представительного правления, ввиду того, что власть путем выборов получает неограниченный мандат проведения реформ, полноту ответственности за результаты, но не за методы⁶. Переводя этот подход в дискурсную терминологию, можно

⁵ O'Donnell (1998).

⁶ O'Donnell (1994).

сказать, что это система идеологического лидерства, направленная на нелиберальное видение общества объектом, а не субъектом политики. Именно слабость либеральной коммуникации придает режиму делегативный, односторонний характер.

Перспективы

Диагностика состояния СМК в Грузии дает возможность говорить о желательных и возможных перспективах развития. Сегодня это обсуждение может оказаться более содержательным, чем десять-пятнадцать лет назад, когда свобода слова и свобода прессы только начинали устанавливаться на постсоветском пространстве.

Грузия достигла многого в плане свободы прессы, в отличие от многих постсоветских стран. Однако проблемы, поднятые в данной статье, представляются мне общими для всех.

Свобода слова, свобода мнения, свобода прессы - это те универсальные либеральные ценности, которые хороши сами по себе; по этимологии это негативные свободы, т.е. свободы от ограничений со стороны государства. Однако означает ли обретение негативных свобод автоматически обретение также и позитивных свобод, т.е. реальной возможности слышать и выражать то, что хочется услышать и выразить? Неолиберальная доктрина, которой мы следовали десять лет назад и которая призывала к отмене роли государства в публичном пространстве, базировалась не только на признании универсальных свобод, но и на (часто негласном) предположении, что отсутствие ограничений со стороны государства с необходимостью приведет к возникновению позитивных свобод, к качественному плюрализму СМИ. Практика десяти лет преобразований показывает, что эта доктрина имеет свои ограничения. Свобода СМИ от государственного контроля не обязательно ведет к открытому, либеральному публичному пространству, существуют и другие проблемы, игнорирование которых в течение длительного времени может плохо сказаться на его качестве.

Желательно, конечно, чтобы публичное пространство постсоветских стран, так же, как и политические режимы этих стран, развивались в направлении гражданского общества и либеральной конституционной демократии. Это подразумевает, в том числе, развитие либерального публичного пространства, неполитизированной профессиональной журналистики, освобождение общества от засилья политической пропаганды. Многие тренинги и учебные программы

для журналистов построены на этом принципе. Здесь уместно вспомнить республиканский компонент коммуникации, который практически остался в стороне при обсуждении партикуляризации СМК. Возможно, именно слабость республиканского компонента (наряду с либеральным) обуславливает слабость стандартов журналистской этики, направленной на разделение информации и пропаганды. Слабость неоллиберальной доктрины, возможно, состоит именно в том заблуждении, что либеральный стандарт современных западных СМИ представляется результатом только лишь проекта свободы слова, в то время, как он был сформирован одновременным влиянием как минимум двух исторических традиций, в их историческом взаимодействии - либеральной и республиканской. Ведь именно для республиканской традиции этика коммуникации является преобладающей ценностью, наряду со свободой слова.

Программа развития СМИ по западному образцу и подобию, безусловно, имеет свои преимущества и достоинства, однако насколько она реалистична в кратковременной перспективе? Обучать журналистов этике и стандартам хорошей журналистики необходимо, однако даст ли это результаты, если описанная здесь историческая традиция, восходящая к прошлым векам, а также другие факторы, формирующие партикуляристский социальный контекст, трактуют иную логику развития? Если те факторы, о которых мы здесь говорили, действительно релевантны, можно предположить, что наилучший возможный вариант в краткосрочной перспективе для Грузии - это сегментация коммуникации, а наихудший - доминирование одной идеологии на всем публичном пространстве. Хрупкий и неполный плюрализм, наблюдаемый сегодня в телевидении, может оказаться недолговечным. Учитывая сравнительную аналогию со странами Южной Европы и Латинской Америки, можно предположить аналогию и в перспективах развития независимого вещания. А именно, экономические интересы, стоящие за независимыми каналами, могут оказаться в положении клиентов власти, при этом сохранение независимого вещания может оказаться возможным только при условии его лояльности к власти, как это бывает в других подобных странах.

В подобных условиях дальнейшее развитие сегментированного плюрализма, поддержка многообразия мнений в первую очередь на телевидении представляется мне наиболее реалистичной желательной краткосрочной перспективой развития СМК - не идеальной, но и не самой худшей. Оно может сочетаться с более долгосрочными

перспективами, но не следует все надежды и планы связывать только с последними. Ведь политика - это наука возможного. Или, цитируя Эдмунда Берка, не следует забывать следующее: «Какое огромное множество ошибок, приведшее к множеству несчастий, простекло всего лишь из одного источника, а именно: из принятия определенных универсальных максим без рассмотрения обстоятельств, времени, места, возможного развития событий и людей!»⁷

Литература

Hallin, Daniel C., Stylianos Papathanassopoulos, "Political Clientelism and the Media: Southern Europe and Latin America in Comparative Perspective". *Media, Culture and Society*, v. 24, N 2 (2002).

Inglehart, R., *Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press, 1997.

O'Donnell, G., "Horizontal Accountability in New Democracies". *Journal of Democracy*, v.9, N.3 (1998).

Берк Э. Правление, политика и общество. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2001.

Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества. Pro et Contra, Гражданское общество, том 2, № 4, осень 1997 г. <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55639.htm>

О'Доннелл Г. Делегативная демократия. Пределы власти, № 2-3, М. (1994) <http://old.russ.ru/antolog/predely/2-3/dem01.htm>

⁷ Берк (2001), с.411.